

В. Д. Камынин,
профессор УрФУ, г. Екатеринбург

Формы участия России в борьбе с международным терроризмом в Центральной Азии на рубеже XX–XXI вв.

После распада СССР Россия начала выстраивать в центральноазиатском регионе многоуровневую систему безопасности. В 1990-е гг. Россия взаимодействовала со странами Центральной Азии в рамках СНГ, в формате Ташкентского договора по коллективной безопасности (ДКБ), на двусторонней основе [2]. События, которые произошли в регионе на рубеже XX–XXI вв., привели к пересмотру взглядов России на систему безопасности в Центральной Азии. Ю. А. Никитина указывает, что в новых геополитических условиях стало понятно, что построить систему коллективной безопасности в рамках СНГ не получится [6, 24–25]. Россия взяла курс на реформирование Договора о коллективной безопасности и разведению функций СНГ и ДКБ в сфере обеспечения безопасности, укреплению двусторонних связей России с государствами региона.

В 1990-е гг. борьба с международным терроризмом занимала одно из последних мест в списке угроз безопасности стран ДКБ. Региональная безопасность на центральноазиатском направлении длительное время обеспечивалась на основе двусторонних отношений между Россией и Казахстаном, Россией и Таджикистаном, Россией и Киргизией. Однако на рубеже XX–XXI вв. именно Центральная Азия стала регионом, в котором терроризм стал большой проблемой для международной безопасности в целом и для безопасности России в том числе. Об этом можно судить по крайней мере по двум факторам.

Один из них можно назвать внутренним. Эксперты обращают внимание на активизацию боевиков Исламского движения Узбекистана, базировавшихся в Каратегинской долине Таджикистана, которые дважды в 1999 и 2000 гг. вторгались на территорию Киргизии в районе г. Баткен и Сурхандарьинскую область Узбекистана [3, 66–67]. Последствия «баткенских событий» для политики России были

самыми разнообразными. Во-первых, был повышен уровень двусторонних отношений. С целью избежать повторения «баткенских событий» 27 июля 2000 г. президент Кыргызской Республики Аскар Акаев и президент РФ Владимир Путин подписали Декларацию о вечной дружбе, союзничестве и партнерстве, провозгласив тем самым свою неизменную приверженность отношениям союзничества и стратегического партнерства. Россия и Кыргызстан заявили, что будут развивать эти отношения на основе широкомасштабного сотрудничества, взаимного доверия, оказывая разностороннюю поддержку в вопросах предотвращения угрозы независимости, государственному суверенитету и территориальной целостности [8]. Во-вторых, эти события подтолкнули Россию и страны Центральной Азии к заключению многосторонних соглашений, в частности к созданию Коллективных сил быстрого развертывания (КСБР) для Центрально-Азиатского региона коллективной безопасности.

Второй фактор — внешний. Именно в начале 2000-х гг. обострилась афганская проблема, и Афганистан стал основным источником внешней нестабильности в Центральной Азии. Таким образом, следует признать, что борьба против международного терроризма стала одним из приоритетов сотрудничества государств ДКБ еще до терактов в США 11 сентября 2001 г., которые вывели международный терроризм в первый ряд угроз безопасности. В сделанном на бишкекской сессии СКБ в 2002 г. Заявлении глав государств [1] была выражена озабоченность усиливающимися проявлениями международного терроризма и экстремизма в этом регионе, основным источником которых назывался непрекращающийся конфликт в Афганистане. В Заявлении содержался призыв к международному сообществу вплотную заняться решением афганской проблемы, которая представляет угрозу не только странам региона, но и международной безопасности. На бишкекской сессии СКБ генеральному секретарю было поручено установить рабочие контакты с антитеррористическими структурами ООН, ОБСЕ и «Шанхайской пятетки». Также было принято решение разработать к следующей сессии документы для создания Коллективных сил быстрого развертывания для Центральной Азии.

Важное значение для России в начале коллективной борьбы с международным терроризмом имел саммит Совета коллективной безопасности ДКБ в Минске, который проходил 24 мая 2000 г. В ходе

этого саммита главы государств — участников ДКБ был подписан Меморандум о повышении эффективности ДКБ от 15 мая 1992 г. и его адаптации к современной геополитической ситуации. В связи с повышением внимания к совместному противодействию новым вызовам и угрозам на сессии СКБ в Минске был создан новый консультативный орган — Комитет секретарей Советов безопасности государств ДКБ. В Меморандуме предусматривалось усиление координации мер государств-участников по совместному противодействию новым вызовам и угрозам национальной, региональной и международной безопасности с акцентом на решительную борьбу против международного терроризма. В Меморандуме говорилось, что страны-члены, выступая за более полное использование возможностей Договора в интересах предотвращения и урегулирования конфликтов на их территории, наряду с использованием предусмотренных механизмов консультаций рассмотрят вопрос о создании при СКБ также консультативного механизма по проблемам миротворческой деятельности и приступят в соответствии с национальным законодательством к работе по формированию коллективных миротворческих сил быстрого развертывания [4, 104].

Оценивая значение минской сессии СКБ, эксперты полагают, что с нее можно вести начало периода разграничения функций ДКБ и СНГ: впервые сессия СКБ была проведена не как «приложение» к заседаниям в формате СНГ, но как полноценное мероприятие с активным обсуждением проблем, а не просто в режиме подписания документов, что часто происходило этапе развития сотрудничества в рамках ДКБ в 1990-е гг. [7]. Ю. В. Косов и А. В. Торопыгин пишут: «Упоминание в тексте Меморандума «миротворчества», на наш взгляд, может иметь существенные последствия. Дело в том, что довольно часто ДКБ рассматривается в качестве самостоятельной региональной организации в смысле гл. 8 Устава ООН, так же как и Содружество Независимых Государств является региональной организацией в этом же смысле. В ДКБ создана собственная организационная структура, он с самого начала был выведен за рамки СНГ. Невозможность проведения миротворческих операций в рамках ДКБ, минуя СНГ, создавала определенную иерархию этих структур» [4, 104].

По данным Ю. А. Никитиной, на 1 августа 2001 г. были сформированы КСБР численностью до 1500 человек (по 1 батальону от

Казахстана, Киргизии, России и Таджикистана) со штатным вооружением и боевой техникой, назначен командующий КСБР и сформирован оперативный штаб в Бишкеке [6, 29–30].

Расширились меры по борьбе с международным терроризмом и в рамках СНГ. В конце 2000 г. по решению Совета глав государств СНГ был создан Антитеррористический центр (АТЦ) СНГ, являющийся постоянно действующим органом координации деятельности спецслужб по борьбе с международным терроризмом и экстремизмом. Этот центр имеет структурное подразделение по Центральной Азии в Бишкеке. Деятельность АТЦ по обмену информации и созданию единых банков данных сочетается с практическими мерами. Были проведены учения «Юг-Антитеррор-2001» в Киргизии.

Эксперты полагают, что именно угроза международного терроризма стала основной причиной для преобразования ДКБ в полноценную организацию ДКБ. М. А. Хрусталеv указывает на то, что «начало войны США в Афганистане послужило толчком к реорганизации военно-политических отношений в СНГ» [5, 308]. Ю. А. Никитина пишет, что хотя официально среди причин преобразования ДКБ в организацию называется желание повысить эффективность взаимодействия, однако стоит отметить, что решение о создании ОДКБ в 2002 г. совпало с проведением антитеррористической операции в Афганистане и появлением военных баз коалиции (а фактически США) в странах Центральной Азии [6].

Таким образом, результатом разнообразных событий, произошли в центральноазиатском регионе на рубеже XX–XXI вв., стало существенное изменение политики России в сфере обеспечения безопасности в Центральной Азии. Впервые Россия в начале XXI в. взяла на себя полноценную ответственность за борьбу с международным терроризмом в регионе.

Список источников и литературы

1. Заявление глав государств Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан в связи с угрозами безопасности в регионе Центральной Азии // Николаенко В. Д. Коллективная безопасность России и ее союзников. Военно-политическая интеграция на постсоветском пространстве. М., 2003. С. 157–158.

2. Камынин В. Д. Политика России в области обеспечения безопасности в Центральной Азии в 1990-е гг. // Известия Урал. федерального ун-та. Сер. 3 Общественные науки. 2013. № 1(112). С. 146–159.
3. Князев А. А. Афганский конфликт и радикальный ислам в Центральной Азии: Сб-к док-тов и мат-лов. Бишкек, 2001.
4. Косов Ю. В., Торопыгин А. В. Содружество Независимых Государств. Институты, интеграционные процессы, конфликты. М., 2009.
5. Международные отношения в Центральной Азии. События и документы. М., 2011.
6. Никитина Ю. А. ОДКБ и ШОС: модели регионализма в сфере безопасности. М., 2009.
7. Николаенко В. В соответствии с духом времени. У Договора о коллективной безопасности хорошее будущее // Независимая газета. 2000. 21 июня.
8. Саид Амин. Анализ баткенских событий 1999–2000 гг. // Время Востока. 2013. 14 мая.

Лю Чженьюй, аспирант (КНР);
В. А. Абрамов, профессор ЗабГУ, г. Чита

Формирование модели соразвития Северо-Восточного региона КНР и Забайкальского края РФ

Составным элементом российско-китайских партнерских отношений является сотрудничество между приграничными регионами. Нормализация политических отношений между РФ и КНР в конце 1980-х — начале 1990-х гг. создала предпосылки для тесного политического, экономического, культурного соразвития на межрегиональном уровне.

Северо-Восточный регион КНР (Дунбэй), занимая приграничное положение, имеет большую протяженность общей границы с РФ. Рассмотрение гармоничного развития Северо-Восточного региона иллюстрирует не только сущность китайских региональных практик, но и позволяет определить управленческую специфику ценностного